

Е. И. Анненкова

Гоголь и братья Аксаковы: славянский вопрос в историко- культурной перспективе*

Тема «Гоголь и славянский мир» была предметом рассмотрения в различных по жанру и направленности работах¹. В рамках темы хотелось бы, учитывая размышления писателя о славянстве, представить вопрос в историко-культурной перспективе. Имеет смысл проследить, **что** из намеченных или обозначенных Гоголем проблем получило развитие (либо видоизменение) в последующие десятилетия.

Существование славянского вопроса и характера его изучения обнаруживает объемность и немалую сложность, как только мы знакомимся с разнородными историческими материалами. Они свидетельствуют о том, что в XIX в. славянская тема имела несколько планов выражения:

– *практический*: создание в 1830-е годы кафедр истории славянских наречий в Санкт-Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском университетах²; поездки отечественных университетских славистов в европейские славистические центры;

– *художественно-эстетический*: славянская тема – в частности, малороссийская – становится популярной в русской художественной литературе первых десятилетий XIX в., позже она приобрела идеологическую направленность и привлекла целый ряд поэтов и писателей;

– *публицистический и политический*: в годы русско-турецких войн этот аспект становится преобладающим, что нередко приводит к поляризации общества.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00376а.

Гоголь, пожалуй, одним из первых означил возможность неоднородной постановки славянского вопроса в текстах, различных в жанровом отношении. В его наследии мы находим заметки о славянах в начале писательского пути, затем осмысление темы – в художественной прозе середины 1830-х годов, а позже, в 1840-е годы, – в произведении синтетической жанровой природы «Выбранные места из переписки с друзьями». Художественный текст нередко усложнял то, что было уже намечено или изложено в заметках и набросках. В последних писатель формулирует ряд вопросов: «Что такое славяне?»; «Почему же [эта] неслышность и безмолвная судьба истории славянской?»; «В чем особенность и своеобразный характер этой истории?» (IX, 31). В повести «Вий», как отметил еще Г. А. Гуковский³, славянское упоминается в несколько неожиданной связке с латинским, правда, лишь в именах (Хома Брут, Тиберий Горобец), однако это и предоставляло читателю возможность задуматься: какой смысл вкладывал автор в имена героев. В повести «Тарас Бульба» – особенно акцентировано во второй ее редакции – казачество рассматривалось сквозь призму не только историческую, но и религиозную: борьба за православную веру становилась важнейшей для казаков⁴. Можно сказать, что у Гоголя оказались намечены те узлы проблем исторического, государственного, религиозного, этического и эстетического характера, которые в полной мере заявят о себе позднее. И это будет свидетельствовать о том, что, как бы литература ни дистанцировалась от идеологической составляющей, она не могла без нее обойтись, особенно в переломные исторические эпохи.

Собирая материалы о славянах, Гоголь в первой половине 1830-х годов отмечает ряд особенностей, которые свидетельствуют о непохожести славянских племен на другие европейские народы. На фоне европейского средневекового мира, который определяют «колоссальность исполинская, почти чудесная», «странная яркость», «пестрота», «живое действие», «отвага» (VIII, 16–17), славянский мир предстает как прямая противоположность: его основные черты – «оседлость», «миролюбивый характер», «гостеприимство повсеместное»; славяне «смирны, довольно согласны между собою все племена» (IX, 42)⁵.

Но если в подобной постановке вопроса Гоголь не оригинален, то в серии вопросов, уже процитированных, проявляется его индивидуальность и историческая проницательность. «Миροлюбивый характер» предстает как некая исторически незыблемая константа. Это характеристика духовной природы народов, но не их исторической судьбы. Во «Взгляде на составление Малороссии» казачество представало как «целый народ, превративший мирные славянские поколения в воинственные» (VIII, 46). И в набросках сказано: «Способность славян и удобоприменяемость – доказательство, что они делаются воинственными, мирными, смотря по направлению, им заданному» (IX, 32). То есть, как можно видеть, не всегда оказываются идентичны духовное существо и форма исторического проявления.

Итак, зафиксировав «колоссальную яркость» западноевропейского мира и «неслышность», «безмолвную судьбу» мира славянского, Гоголь обозначил два исторических и духовных полюса европейской цивилизации. Однако обращает на себя внимание тот факт, что Средним векам Европы он посвятил несколько статей, тогда как славянская тема ограничена набросками в его Записной книжке, – не потому ли, что «колоссальность исполинскую» романтику описывать легче, а тайна славянских племен не поддается привычным формам описания (так славянофилы в ближайшие десятилетия будут легко перечислять характерные черты «западного человека» и чуть ли не пасовать перед описанием человека русского). Гоголь в сопоставлениях России (страны славян) и Запада не столько сближается со славянофилами, сколько предваряет направленность их будущих размышлений, а также – осознание сложности в применении единых форм познания и описания русского и западного миров.

«Выбранные места из переписки с друзьями» как произведение 1840-х годов зафиксировало и актуализацию славянской темы, и переходный момент в ее осмыслении: из плоскости научной (филологической, этнографической) тема славянства начинала перемещаться в плоскость злободневно-историческую и идеологическую, что и произойдет, уже вполне определенно, в последующие десятилетия. Константин и Иван Аксаковы этот поворот в рецепции темы выявили и осуществили, пожалуй, более последовательно и концептуально, чем кто-либо другой.

Константин Аксаков в 1842 г. в письме к А. Н. Попову формулирует один из важнейших славянофильских тезисов по славянскому вопросу: «Для нас очень важно изучение славян, оно объяснит нам нас самих при изучении истории, законодательства и пр.»⁶. В годы Крымской войны он пишет ряд статей и стихотворений, в которых славянский (и одновременно русский) вопрос оказывается на первом плане. Стихотворение 1853 г. «К славянам» собственно поэтической ценности будто бы и не представляет, оно достаточно декларативно. Зачем же избрана стихотворная форма? Сказалась ли в этом привычка к поэтическому самовыражению, сложившаяся еще в юности? Изучение текста позволяет заметить, что именно поэтическое слово способно не просто описать некую историческую реальность, но и создать образ ее, более объемный и сложный, чем это доступно прозаическому слову публициста. Вместе с тем, от идеологической подачи вопроса автор не отказывается. В стихотворном тексте выстроена оппозиция, на одном полюсе которой – «страсти зверя» (это мир Запада), на другом – «дух братства, кроткий, величавый»⁷ (славянский мир). Запад живет, «кипя страстями», славянство – оберегая «дух мира», это и становится основой противостояния и даже онтологического расхождения:

И в дух, и в жизнь, и в братство веря,
Ты ненавистно стало им.

.....

Ценою нравственного блага
Ты не купило торжества,

Хотя бы сила и отвага
Могла сберечь твои права.
Но в зверя ты не обратилось...⁸

В поэтическом тексте данная противоположность предстает как извечная борьба противоположных начал – добра и зла, и чтобы выстроить это противостояние как бытийное, а не только идеологическое, потребовалось усиление и даже преувеличение антитетических образов.

Преувеличение, конечно, продиктовано и историческими реалиями середины 1850-х годов – коллизиями Крымской войны. В стихотворении «К России» (1854) соседство и, как может показаться, даже смешение категорий исторических (в том числе военных) и онтологических бросается в глаза. Упоминаются не только «крики злобы», но и – «кровавый бой», однако главный акцент все-таки сделан на духовном противостоянии западного и славянского миров: «Им твой образ ненавистен, / Как добро противно злу»⁹.

В других стихотворениях того же года («Орел России», «Одесса», где даже указана дата написания, означая отсылку к известиям, полученным с театра военных действий) происходит усиление религиозной тональности и тематики, заявленных ранее. Война, которую ведет Россия, предстает – в интерпретации Аксакова – как борьба против «угнетенья и позора Христовой веры»¹⁰. Поэтому в стихотворении «Одесса» первые строчки «Пред Воскресеньем день последний / Поста великого настал...»¹¹ приобретают символический смысл, поддержанный последующим текстом и закреплённый образом Воскресения в финале.

Поэтический текст Константина Аксакова, как правило, не предполагает многозначности, в эстетическом плане кому-то он может показаться даже не вполне состоятельным. Однако стихотворение занимает свое полноправное место в той форме поэтического творчества (живущей на протяжении столетий), когда автор отдает предпочтение именно прямому слову, необходимому в исторически сложные времена, ибо рефлексия и многозначность художественного образа лишают текст действенности. Знаменательно, что даже для Тютчева оказалась притягательна и близка славянская тема («Послание к Ганке»), и это говорит об ее органичности для русского сознания¹². В 1867 г. посвященные славянству стихотворения (К. С. Аксакова, П. А. Вяземского, Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, А. К. Толстого и других) будут собраны под одной обложкой¹³.

Статья Константина Аксакова «Россия и Запад» оказывается своеобразным обобщением тех тезисов, которые столь эмоционально прозвучали в поэтических текстах, и обобщением концептуальным. Вновь сказано о противоположности западноевропейского и славянского миров, но речь идет уже о противоположности иного рода и степени. Недоверие присуще обеим сторонам, но со стороны Запада, по убеждению Аксакова, это уже и ненависть: «Ненависть эта непримирима; она основана на разнице начал славянского и западного миров»¹⁴. Зарождение подобного отношения автор видит в историческом прошлом: «Запад изначально презирал все осталь-

ные народы, непричастные его духу. Но особенное презрение возбуждало в нем племя Славянское, проникнутое духом кротости и мира, духом поглощения личности в деле общем. Вера православная <...> положила еще более разницы»; когда же славянские племена подпали под владычество турок, «все славяне были уничтожены и порабощены», но «Запад натолкнулся на Славянский народ, который один из всех славянских народов уцелел от всеобщей гибели: народ Русский»¹⁵. Поняв, что нельзя одолеть России и ощутив бессилие перед «этим миром», Запад стал презирать его, «и презрение обратилось в ненависть»¹⁶.

Аксакову хотелось бы верить, что не расчеты дипломатии, а нравственные вопросы легли в основу войны, которую ведет Россия, что она выступает «заступницей» «угнетенных православных» и «единокровных братьев», что «терпение, простота и смирение»¹⁷, свойственные России, смогут противостоять «духу злобы».

Показательно, что Аксаков имел намерение дополнить теоретическое изучение славянской культуры (а он касался этого не только в своих публицистических трудах, но и в трудах по фольклору) непосредственным знакомством со славянским миром: весной 1860 г. планировалась поездка в славянские земли, не состоявшаяся из-за его болезни. Но задуманное все же удалось выполнить, хотя лишь отчасти, во время его поездки в Европу для лечения осенью того же года. В поездке Константина сопровождает Иван, и они постоянно обсуждают как положение славян в Европе, так и славянских деятелей, а с некоторыми из них удастся встретиться. Размышления Константина Аксакова не всегда оптимистичны. Так, в одном из писем к родным он делится следующим наблюдением: «Для тех славян, которые отступили от своего славянского элемента, германский элемент будет всегда силен и победоносен. Славянин на немецкой дороге всегда будет побит немцем. Вот и разгадка истории славянства. Только один народ не отступил от славянских начал – народ русский...»¹⁸ Ценность подобных высказываний не в том, что они в очередной раз подтверждают верность Аксакова русским началам, а в готовности автора убедиться на деле в оправданности тех надежд, которые адресовались «единокровным братьям».

Идею единого славянского мира (утопическую или исторически возможную? – вспомним пушкинский вопрос в стихотворении «Клеветникам России»: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос»¹⁹) станет развивать Иван Аксаков во второй половине века, и более всего – в годы очередной русско-турецкой войны. Но еще в конце 1850-х годов он предпринял попытку издать «Славянскую контору» при журнале «Русская беседа»²⁰. С начала 1860-х годов И. Аксаков устанавливал интенсивные и разносторонние контакты с ведущими деятелями славянских стран. Его издания «День» и «Москва» сыграли существенную роль в пробуждении и упрочении общественного интереса к славянской теме; в итоге, как замечает современный исследователь, «в стране выросло целое поколение, воспитанное “Русской беседой”, “Днем” и “Москвой” <...> И это поколение в середине 1870-х годов опре-

делило общественное, точнее – народное мнение. Впервые сложилась ситуация, когда власть нехотя принимала решение под давлением общества и народа, который вступление в войну за славян ждал с радостью как «благое дело»²¹. Особую роль в этом сыграла, конечно, личность самого редактора, возглавившего, начиная с конца 1860-х годов, после запрещения «Москвы», Московский славянский благотворительный комитет (хотя официально И. Аксаков возглавил комитет лишь после смерти М. П. Погодина в 1875 г., но фактически именно он и прежде руководил многообразной работой комитета).

В славянских странах вызревают и начинаются восстания против турецкого владычества, в русском обществе в это время осуществляется сбор средств в пользу пострадавших, а также отправка добровольцев. Как замечает современный исследователь, «без преувеличения можно сказать, что в годы кризиса славянского и восточного вопроса (1875–1878) весь мир следил за пламенными речами отставного надворного советника»²².

Славянский вопрос у И. Аксакова, конечно, становится политическим. Но все же он не столько политик, сколько публицист, стремящийся и умеющий находить способы убеждения читателей²³. Выступления в Славянском комитете и передовые газетные статьи предполагали, как правило, не только живой, действенный отклик на затрагиваемую славянскую тему, но и само действие: как со стороны русского общества, так и со стороны правительства²⁴. Для этого избиралась особая форма подачи материала. Внимание концентрировалось на фактах, требующих и участия, и вмешательства, ибо с конца 1860-х годов Аксаков начинает все чаще писать о восстаниях славян против турецкого владычества: «Мера долготерпения переполнилась и для самых покорных, самых безответных доселе подданных турецкого султана, для самой миролюбивой и трудолюбивой славянской народности. Встает болгарское племя <...> Восстание быстро распространяется. Надежд на успех оно, по-видимому, не имеет теперь пока никаких. Средства его скудны, ничтожны, но медлить долее было уже невозможно»²⁵. Конечно, в этом контексте он уже не может оставаться лишь публицистом и поневоле вступает в сферу политической деятельности. Однако его речи и статьи представляют не только исторический интерес. Аксаков блистательно владеет словом, умеет вызвать определенное отношение к происходящим событиям, но при этом не манипулирует читателями или слушателями, поскольку всегда абсолютно искренен. Тексты и Константина, и Ивана – это их исповедание веры. Ситуация 1850-х, а затем 1870-х годов – кульминационное время в деятельности славянофилов двух формаций. Это время, когда русская тема выходит на первый план, когда Россия может осуществить свое славянское призвание и когда создаются предпосылки для восстановления единства всего русского общества. То есть, пришло время испытать теорию в практике исторической жизни.

Иван Аксаков понимал сложность исторической коллизии, обусловленной не только проводимой Россией внешней политикой, нередко двойственной, но и формами проявления недовольства настоящим ис-

торическим положением со стороны славян. Имели место непостоянство и интриги в правительственных российских кругах, соперничество Р. А. Фадеева (генерал-майора, общественного деятеля, руководившего отправкой добровольцев в Сербию и сбором пожертвований) и М. Г. Черняева (руководившего военными действиями в Сербии): оба стремились расположить общественное мнение в свою пользу. Сложной была расстановка сил в болгарском ополчении, где были свои оппозиционеры, и современники Аксакова подчас достаточно критически высказывались о позиции болгар (так, Н. П. Гиляров-Платонов – правда, позже – замечал: «...братушки держали себя преподло», «это народ эгоистический, без идеалов»²⁶). Сам Иван Аксаков писал А. И. Васильчикову: «Если же Сербия будет иметь лет 50 мирной жизни, то окончательно погибнет для славянства, так как подвергнется западному влиянию»²⁷.

Но в своих публикациях Аксаков, конечно, не раскрывает всю сложность исторического момента. Он озабочен тем, чтобы Россия в столь сложное время удержала инициативу в своих руках – во имя славянского единства и во имя поддержки славян, которые, в их национальной идентичности, Западу, преследующему свои политические интересы, – не нужны: «Западноевропейская политика остается верна своим преданиям, своей вражде к России и всему славянскому миру»²⁸.

Продолжая и усиливая тезисы Константина (оставшиеся в письмах²⁹, неопубликованных текстах, устных высказываниях), Иван в газетных статьях уже непосредственно обращается ко всему русскому обществу. Ему хотелось бы надеяться, что за единоверцев встанет вся Россия, ибо под угрозой – славянский мир как таковой. Однако и Аксаковым возможное славянское единство оценивается как идеал, историческое ожидание, более похожее на утопию, чем на реальность. И не потому, что простому народу трудно и некстати разбираться в политических вопросах, – дело, напротив, в обществе образованном. Градус полемики в обществе, но более всего в прессе, достигал подчас наивысшего напряжения. Выражения «шайка славистов», «славянское ослепление» были адресованы Ивану Аксакову и его единомышленникам³⁰. Оппоненты опасались, как бы европейское общество не заподозрило россиян в недостатке толерантности и дикости (подобное отношение можно было наблюдать и раньше: в начале 1830-х годов, отзываясь на стихотворение Пушкина «Клеветникам России», Н. И. Тургенев назвал поэта «варваром»). Аксаков объясняет это западной абсолютизацией абстрактных понятий, таких как «свобода», «гуманность», называя ажиотаж вокруг «славистов» следствием привычки «побренчать какой-нибудь либеральной гремушкой». О «редакторе “Санкт-Петербургских ведомостей”, обвинявшем “Москву” в доносе», Аксаков писал: «Так и теперь ему хотелось бы, чтобы русское общество, ради принципа свободы мнений, не смело кричать от боли и защищаться, когда явно и публично оскорбляют самые заветные его убеждения!»³¹

Повышенная экспрессивность слога Аксакова объясняется одновременно внутренними и внешними нападениями. Он пишет о «политическом одиночестве» России, имея в виду недоброжелательность Запада, но од-

новременно ощущая, что и в русском обществе, хотя и не малочисленны, но по-своему одиноки защитники славянского мира. Поэтому он готов вступить в бой и с отечественной, и с западной журналистикой. «“Политическое одиночество России” – вот, по единодушному сказанию иностранной журналистики, к чему направлены все усилия западноевропейской политики, преимущественно австро-французской; вот в чем лежит залог европейского мира и тишины»³². «Панславизм» Аксаков называет «современным пугалом Франции, Австрии и Германии» – «вот новый властитель дум западноевропейских политиков, под воздействием которого отсрочивают они решение Восточного вопроса; вот, наконец, тот призывный клич к бою, к крестовому походу на Россию и на славянский мир, который еще не раздался, – раздастся, может быть, и не скоро, но рано или поздно раздастся неминуемо!»³³

Можно заметить, что в речах Аксакова маловато миротворческого духа. Но отнюдь не миротворчество является историческим призванием публицистики, ее миссией. В годы масштабного разлома цивилизации она, подчас впадая в преувеличение и азарт, со всею страстью, знакомой любому литератору, бросается на защиту одной из сторон – той, где видит правду, истину. Не случайно на речи Аксакова в Московском славянском комитете откликнулся Достоевский³⁴.

Но что же Гоголь? В какой мере его размышления о славянстве соотносены с острейшей полемикой о славянском вопросе в 1850–1870-е годы? Ю. В. Манн в своем докладе убедительно говорил о том, что писатель предпринял опыт примирения славянофилов и западников. Гоголю, действительно, хотелось (особенно в 1840-е годы) быть миротворцем. Настоящим его призванием, как полагал В. А. Жуковский, было монашество. Если бы это состоялось, предположим и мы, он мог бы искать слова примирения, смягчающие исторически сложившуюся вражду. Но Жуковский, говоря об этом призвании, размышляя, почему же оно не осуществилось, полагал: «Я уверен, что если бы он не начал свои “Мертвые души”, которых окончание лежало на его совести и всё ему не давалось, то он давно бы был монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой бы душа его дышала бы легко и свободно», писатель мог бы уйти в монастырь, «если бы не “Мертвые души”»³⁵. В таком случае, можно продолжить, он преодолел бы в себе интерес к «дрязгу» жизни, каким могли показаться и политические страсти. «Мертвые души» не отпускали писателя, оставаясь главной задачей его литературной жизни.

Хочется поставить, быть может, странный, но в какой-то мере аналогичный вопрос: если бы не славянская проблема, примирилась бы Россия с Западной Европой? Это лишь гипотетическое допущение, не предполагающее однозначного ответа. И все же представляется правомерным высказать предположение, что между гоголевским устремлением к монашеству и его удалением от мира и аксаковской погруженностью в злобу дня было нечто общее: искание онтологического смысла во всех формах жизни – как в самосовершенствовании, так и в служении Отечеству.

Примечания

¹ Этой теме были посвящены опубликованные в Томске три сборника статей «Гоголь и славянский мир» (2007, 2008 и 2010 годов).

² См.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиограф. справочник. М., 1979. С. 14–19.

³ *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 191.

⁴ Об источниках и исторических аспектах повести см.: *Денисов В. Д.* Историческая проза Гоголя // *Гоголь Н. В.* Миргород / Изд. подгот. В. Д. Денисов. СПб., 2013. (Серия «Лит. памятники»). С. 251–411; см. также: *Денисов В. Д.* Мир автора и миры героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя). СПб., 2006.

⁵ И. А. Виноградов, опираясь на гоголевский набросок о славянах, не включенный в полное собрание сочинений писателя, справедливо указывает на сквозную мысль, в нем выраженную, – о единстве славян (*Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. науч. статей. М., 2013. С. 20–27).

⁶ РО ИРЛИ. Фонд 3. Описание 8. Ед. хр. 15. Л. 1об; опубл.: *Анненкова Е. И.* Архив К. С. Аксакова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 14.

⁷ *Аксаков К. С.* Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 216, 217.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 220.

¹¹ Там же. С. 221.

¹² И. С. Аксаков в «Биографии Федора Ивановича Тютчева» подметил именно органичность, естественность появления и звучания русской темы в творчестве поэта: «Еще за границу, вполне самостоятельно и своеобразно, сложилось у Тютчева то русское мирозерцание, которое одновременно вырабатывалось и исповедовалось в Москве Хомяковым и его друзьями...» (*Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринт изд. 1886 г. М., 1997. С. 69).

¹³ Братьям-славянам. Стихотворения Аксакова, Берга, кн. Вяземского, Тютчева, Хомякова и пр. М., 1867.

¹⁴ РО ИРЛИ. Фонд 3. Описание 7. Ед. хр. 22. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 4об.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 3об.

¹⁸ Письма К. С. Аксакова из чужих краев в Москву // Русский архив. 1910. Т. I. № 1. С. 148.

¹⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. III. С. 222.

²⁰ См. об этом: *Бадалян Д. А.* «Против течения...»: феномен публицистики Ивана Аксакова в общественной жизни России 1850–1860-х годов // Дальний Восток, близкая Россия: Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Европы. Белград, Сеул, Сайтама, 2015. С. 11–24.

²¹ *Бадалян Д. А.* Указ соч. С. 14–15. См. также: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960.

²² Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества / Составитель С. В. Мотин. Вып. 5. 1870–1879. Общественная и политическая деятельность. Ч. 1. 1870–1876. Уфа, 2013. С. 199.

²³ О сложности соотношения политики и поэтики см. содержательную работу: *Кръстева Денка*. Политически метафори и сюжети в руската литература на XVIII–XIX век. Шумен, 2013.

²⁴ П. Б. Струве справедливо писал: «Иван Аксаков был не художником, созерцателем жизни, как его отец, не философом, созерцателем национальной истории, как его брат, а неутомимым деятелем и неукротимым борцом за национальные идеалы, который с юности своей бросился в самую гущу жизни. Эта тяга к практической работе сделала его последовательно чиновником, литератором-публицистом и общественным деятелем в самом многообъемлющем смысле слова. В его личной жизни замечательно именно то, что, будучи приверженцем и носителем мировоззрения и писателем, он не замкнулся ни в учении, ни в теории, ни в писательстве или пропаганде. В лице Ивана Аксакова более, чем кого-либо <...> славянофильство спустилось с высоты историко-философского учения и вошло в реальную жизнь. Подобно Кошелеву и Самарину, Ив. Аксаков был практическим человеком. Но он больше их обоих был на протяжении всей своей жизни настоящим борцом» (*Струве П. Б. Аксаковы и Аксаков // Славянофильство: Pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2006. С. 819*).

²⁵ *Аксаков И. С. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 2015. Т. I. Славянский вопрос. Кн. 1. С. 177.*

²⁶ Там же. С. 553.

²⁷ Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. 1870–1879. Общественная и политическая деятельность. Часть 2: 1876–1879. С. 20.

²⁸ *Аксаков И. С. Собр. соч. Т. I. С. 219.*

²⁹ См.: *Аксаков К. С. Письма к Попову А. Н., кн. Оболенскому Д. А., Оболенскому М. А. Копии // РО ИРЛИ. Фонд 3. Опись 8. Ед. хр. 18; а также: Аксаков К. С. «Любезнейшему князю» в нелюбезный Петербург (Неизданная переписка К. С. Аксакова с кн. Д. А. Оболенским) / Публикация Т. Ф. Пирожковой // *Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Под общей ред. А. П. Дмитриева. СПб., 2013. С. 563–592.**

³⁰ См. примечания к материалам: *Аксаков И. С. Собр. соч. Т. I. С. 557–558; ответ Аксакова: Там же. С. 200–205.*

³¹ Там же. С. 201.

³² Там же. С. 221.

³³ Там же. С. 225.

³⁴ Он откликнулся на выступление Аксакова в заседании Московского славянского комитета от 23 июня 1876 г., когда было сказано: «Неистовство, зверства, бешеный разгул самых диких страстей, сожигание заживо девиц, наперед поруганных и обесчещенных, истребление мирных жителей десятками тысяч, опустошение целого края огнем и мечом – все роды мук и бед обрушены ныне на безоружное болгарское население расвирепевшим изуверством азиатской орды, сидящей на развалинах древнего, великого православного царства и других православных славянских держав. Некогда обузданная русскими государями, но затем из зависти к России и ненависти к славянству вновь возвеличенная совокупными усилиями всей Европы; введенная ею в семью христианских государств, размалеванная ею румянами и белилами европейской цивилизации, эта орда, эта Турция, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляет теперь на глазах всей Европы растоптать болгарское племя и сломить в своих пределах последний оплот славянской народности – Сербию и Черногорию. Но чаша долготерпения, даже и славянско-

го, переполнилась» (Аксаков И. С. Собр. соч. Т. 1. С. 306). Комментарий писателя см. в изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 23. С. 51. Об осмыслении некоторых аспектов соотношения публицистики И. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского см.: *Кунильский Д. А.* Ф. М. Достоевский и братья К. С. и И. С. Аксаковы: Проблема восприятия русской литературы. Автореф. дисс. <...> канд. филолог. наук. Петрозаводск, 2011.

³⁵ *Жуковский В. А.* Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 550.